

РЕАКЦИЯ КНР НА ЛИКВИДАЦИЮ ГДР

Даниил Шульга, Анна Шульга
Новосибирск, Россия

Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года знаменовало кульминацию противостояния Восточного и Западного блоков и конец разделению Германии на два государства. Далеко на Востоке Китай обратил пристальное внимание к разворачивающимся событиям. Перспективы, видимые китайским правительством в этом событии, претерпели значительные изменения от «драматических перемен в Восточной Европе» до «объединения Германии».

***Ключевые слова:* ГДР, КНР, Тайвань, разделенные нации**

Китай на протяжении долгого времени поддерживал дипломатические отношения с ГДР. 1 октября 1949 года КПК провозгласила образование Китайской

Народной Республики. ГДР была образована 7 октября 1949 года, и уже 27 октября того же года между двумя республиками были установлены дипломатические отношения. В течение 60-х годов отношения между Китаем и ГДР ухудшились, когда ГДР возглавлял Вальтер Ульбрихт, проводивший политику, подобную действиям Хрущева. Отношения нормализовались к 80-м гг. В 1986 году Генеральный секретарь Социалистической единой партии Германии, Эрих Хоннекер, посетил Китай, а в 1987 году Генеральный секретарь КПК нанес ответный визит в ГДР. После «инцидента 4 июля» правительство ГДР выразило поддержку эффективным методам Пекина в подавлении беспорядков. В октябре 1989 заместитель премьер-министра Китая, Яо Илунь, возглавил делегацию в Восточной Германии по случаю 40-ой годовщины образования ГДР. Обе партии признали вклад друг друга в развитие социалистической системы за прошедшие 40 лет и в очередной раз подтвердили свое намерение идти по пути социализма [7].

До середины ноября 1989 года обе страны осуществляли политический и культурный обмен, и ничто не предвещало беды. Китайские официальные СМИ делали обычные репортажи об обществе Восточной Германии. Например, в августе СМИ Китая осветили события «Дня Солидарности», когда ассоциация репортеров ГДР проводила распродажу, доходы с которой пошли на поддержку развивающихся стран. Культурный обмен также создавал видимость безмятежной картины внутренней обстановки в обоих государствах. Чтобы отметить сорокалетие установления дипломатических отношений между КНР и ГДР, городское правительство Восточного Берлина провело «неделю Пекина» с 7 по 25 сентября. В ответ, отмечая сорокалетие создания ГДР, Пекинский дворец национальностей организовал неделю кинопоказов картин производства ГДР. Даже после падения берлинской стены танцевальная группа ГДР ездила выступать в КНР 13 ноября.

1989 год не был спокойным как для Китая, так и для всего остального мира. Просоветские режимы падали один за одним. В то же время весной-летом 1989 года политическая обстановка в КНР также была нестабильна. Огромное количество демонстрантов в Пекине и других городах вышли на улицу с требованием, чтобы правительство положило конец коррупции, начало проводить политику, основанную на принципах демократии и уважения прав человека. В Пекине участники митингов разбили лагерь на площади Тяньаньмэнь. 4 июня армия была призвана остановить эту «контрреволюционную агрессию, направленную на свержение социалистического режима» [6, С. 246–249]. С точки зрения китайского правительства, КНР и социалистические государства Восточной Европы переживали политический кризис, и «международное социалистическое движение было на грани краха». Падение Берлинской стены несомненно оказало усугубляющий эффект нарастающему кризису.

Китайское правительство не ожидало, что ситуация в Восточной Германии так скоро переменится и Берлинская стена рухнет в одночасье. 9 ноября руководство ГДР объявило о разрешении пересечения гражданами ГДР границы с ФРГ в туристических целях. На что китайские СМИ писали: «Мы видим, что контрольно-пропускные пункты на границе Восточной и Западной Германии, а также полицейские станции в Восточной Германии переполнены гражданами ГДР, подающими прошение на пересечение границы». 17 ноября 1989 года премьер-министр Ли Пэн, пребывавший с официальным визитом в Бразилии, провел пресс-конференцию, чтобы ответить на вопросы по поводу ситуации в Восточной Германии и в других странах Восточной Европы. Он заявил: «В некоторых социалистических странах Восточной Европы, включая ГДР, произошли шокирующие изменения». Определение «шокирующие» говорит не только о том, какими неожиданными и серьезными для КПК были эти перемены.

С точки зрения лидеров КНР социалистический режим Китая и Восточной Европы столкнулся с общей угрозой: возможностью свержения режима посредством внешних факторов. В октябре глава Восточной Германии при встрече с китайской

делегацией заявил, что пока тенденции ослабления режима необратимы, «намерения империалистов обречь меня на провал будут усиливаться». Восточная Германия снова выразила поддержку стремлениям Китая подавить контрреволюционные восстания, в то время как Китай выразил понимание трудностей, с которыми столкнулась социалистическая Германия. После «инцидента 4 июня» китайское правительство столкнулось с сильнейшим давлением со стороны международного сообщества, поддержка ГДР помогла КНР в преодолении этой ситуации [7].

Для Китая значение Восточной Германии не ограничивалась только ролью союзника на международной арене. Правительство верило, что, если ГДР сможет сохранить режим после реформ, это укрепит веру граждан КНР в политику Дэн Сяопина. А это в свою очередь поможет стабилизировать ситуацию в Китае. Первые 30 лет с момента основания, КНР находилась под влиянием крайне левой политики, пик которой пришелся на период «культурной революции» Мао Цзэдуна. С его смертью «революция» закончилась, и экономика страны была на грани краха. В 1978 году Китай прекратил осуществление левацких экспериментов и пошел по пути «реформ и открытости» Дэн Сяопина [6, С. 239–246]. Менее чем за 10 лет Китай достиг положительных результатов. Была решена проблема голода среди сельского населения. В то же время, китайские граждане могли видеть мир за пределами страны и то, как Китай отличается от развитых европейских стран.

Политика Дэн Сяопина может быть сведена к двум основным принципам: придерживаться идеалов социализма и проводить реформы и политику «открытости». После инцидента 4 июля появился еще один основополагающий принцип новой политики: нетерпимость социальных беспорядков и приоритет стабильности в социально-политических процессах в стране. Основываясь на трех главных принципах политики Дэн Сяопина, официальные СМИ Китая предоставили «положительное» освещение разрешению кризиса в Восточной Германии.

Во-первых, придерживаясь идеалов социализма, китайские официальные СМИ осветили речь Генерального секретаря СЕПГ, Эгона Кренца. В речи он отметил, что социализм в ГДР вне всяких сомнений имеет будущее, и что не стоит недооценивать роль партии. Реформы – не есть отход от социализма, а попытка укрепить социалистическую систему в рамках страны. В день падения Берлинской стены, 9 ноября, Китай сообщил о том, что увеличивается поток немцев из Восточной Германии, прибывающих в Западную, но также отметил желание СЕПГ поддержать социалистическую систему.

Во-вторых, они подчеркнули проблематику реформ, заключающуюся в их сочетании с идеалами социализма, выбора между стабильностью и нововведениями. СЕПГ в очередной раз подчеркнула, что целью реформ является создание лучшего социалистического государства. Реформы не означают отказ от социализма. Партия также сделала акцент на том, что реформы необходимы и в ближайшее время, но это не должно пошатнуть стабильность в стране.

В-третьих, китайские СМИ своими докладами продемонстрировали, что правительство ГДР не будет мириться с нестабильностью. В декабре 1989 года в таких городах как Дрезден и Росток прекратили свою работу правительственные организации. Ханс Модров заявил, что ГДР не станет государством, где царит произвол; оно будет заботиться о жизни своих граждан. Эти сообщения имели большое значение для пропагандистской кампании Китая, как способ противодействия западной стратегии «мирной революции», как метод стабилизации китайского общественного порядка и консолидации КПК.

Впрочем, спустя неделю после падения Берлинской стены, премьер-министр Китая, Ли Пэн, заявил: «Китай не вмешивается во внутренние дела другой страны». Он также подчеркнул, что «Китай также не вмешивается в партийные дела тех стран, которые поддерживают дружеские отношения с КПК. Это основной принцип КНР». На самом деле, эти заявления касались не только Восточной Германии, но и всех

«драматических событий», происходивших в Восточной Европе. В декабре массовые беспорядки вспыхнули в Румынии, Николае Чаушеску был тайно казнен. Министр иностранных дел КНР созвал пресс-конференцию и пояснил позицию Китая: «Мы считаем, что то, что происходит в настоящий момент в некоторых странах Восточной Европы – это их внутренние дела. Китай не вмешивается во внутренние дела других государств. Мы верим, что Румыния сможет сама справиться с происходящим». Даже относительно идеологии китайское правительство смогло сохранить максимальную гибкость [6, С. 225–239]. С самого начала оно заявило, что Дэн Сяопин нацелен на создание «социализма с китайской спецификой». Было заявлено, что у китайского социализма свой путь и судьба, а то, что случилось с коммунистическими партиями в Восточной Германии и Восточной Европе, не определяет будущего КПК. Как сказал Ли Пэн 17 ноября: «Китай выбирает социализм. В виду китайской истории и настоящей ситуации, это правильный выбор. Китай не станет менять систему из-за того, что происходит в Европе».

2 октября премьер-министр ФРГ, Г. Коль, произнес речь под названием «Наша Родина снова едина». 3 октября министр иностранных дел Китая, У Сюэцзянь встретился с немецким послом в Китае, доктором Ханнеспетер Хэллбеком, и заявил: «Правительство КНР и наши граждане понимают и поддерживают желание граждан двух Германий воссоединиться».

Ситуация «разделенных наций» была знакома самому Китаю. После победы, в 1949 году КПК снова объединила континентальную часть страны. Гоминьдановцы ушли на Тайвань. Вплоть до сегодняшнего дня Тайвань отказывается признать КНР единственным законным правительством Китая и поддерживает дипломатические отношения с некоторыми государствами [6, С. 199–212]. КПК всегда стремилось к воссоединению Китая. В начале 80-х годов предыдущего столетия Дэн Сяопин выдвинул инициативу «Одна страна – две системы», чтобы вернуть Гонконг и Макао, принадлежащие на тот момент Великобритании и Португалии [4]. Идея заключалась в том, чтобы объединяя Китай, основная часть государства осталась социалистической, а Гонконг и Макао могли остаться капиталистическими [1]. Проведение такой гибкой политики, благодаря которой Гонконг и Макао были присоединены к КНР в 90-х гг., стало большим шагом к воссоединению государства [5].

В ответ на концепция Дэн Сяопина (一国两制/yi guo liang zhi) Тайвань выдвинул концепцию «Одна страна – хорошая (одна) система» (一国良制//yi guo liang zhi). «Два» (两) и «Хороший» (良) – омофоны в китайском языке. Концепция Тайваня – это игра слов, и «хорошая система» – это отсылка к «трем принципам нации» (принципы были разработаны уважаемым и в Пекине, и в Тайбэе китайским революционером-демократом Сунь Ятсеном) и капиталистической системе на Тайване [2, с. 500–515]. Это означает, что социалистическая система для Китая является плохой. Для националистов на Тайване объединение Германии под началом ФРГ явилось историческим доказательством того, что «хорошая система» обязательно выиграет и в итоге останется победителем. На следующий день после воссоединения Германии лидеры Тайваня выступили на заседании исполнительного органа власти с заявлением о том, что «воссоединение Германии доказывает, что только хорошая система способна объединить под собой государство, а «плохая» система должна принять принципы «хорошей». Материковый Китай опровергнул это заявление, но не стал способствовать перерастанию противостояния в идеологическую войну, ведь дебаты по этому поводу только ухудшали отношения и делали акцент на различии между КНР и Тайванем.

На Тайване нашлись те, кто использовал факт объединения Германии в качестве иллюстрации того, что «одна страна» может иметь «два правительства» [6, С. 199–212]. КНР, однако, считает, что о таком сравнении не может быть и речи. С точки зрения руководства КНР, во-первых, ситуация в Китае сильно отличается от ситуации в

Германии, и, следовательно, их нельзя сравнивать. Во-вторых, вплоть до объединения Восточная и Западная Германия являлись двумя отдельными суверенными государствами. Администрация Гоминьдана, в свою очередь, потерпела поражение на материковом Китае и укрепилась лишь на острове Тайвань. Этот факт не дает националистам никаких полномочий представлять Китай на международной арене, и международное право не позволяет двум правительствам представлять одну страну в одно и то же время. Тем не менее, независимо от того, какую концепцию выбрать: «Одна страна – две системы», «Одна страна – хорошая система», или «Одна страна два правительства», - КНР и Тайвань достигли консенсуса относительно того, что может быть только один Китай. Ситуация изменилась в 90-х гг., когда состав фракции сторонников независимости на Тайване начал быстро увеличиваться; Ли Дэньхуэй выдвинул «Теорию двух государств», нацеленную на создание «Одного Китая и одного Тайваня». В начале нового столетия Демократическая прогрессивная партия (ДПП) пришла к власти, и её лидер, бывший мэром Тайбэя Чэнь Шуйбянь подчеркнул, что есть «одна страна на каждой стороне» пролива, и попытался узаконить независимость Тайваня при помощи референдума [2].

Суть политики КНР в том, что «пока Тайвань признает принцип «Одного Китая», проблема может быть обсуждаема». Акцент правительства КНР на идеологии в вопросе Тайваня постепенно исчезает. Но в то же время, значение идеологической конфронтации объединения Германии в глазах китайского руководства понижается, хотя тема национального объединения и воссоединения становится более актуальной.

1. *Bolton, K.* The sociolinguistics of Hong Kong and the space for Hong Kong English // *World Englishes*, – 2000. – №19. – С. 265–285.
2. *Cooney, S.* Why Taiwan is not Hong Kong: a review of the PRC'S «ONE COUNTRY TWO SYSTEMS» model for reunification with Taiwan // *Pacific Rim law & policy journal*, 1997. – VOL. 6, – №. 3. – Pp. 497–548.
3. *Kaeding, M.P.* Challenging Hongkongisation: the role of Taiwan's social movements and perceptions of post-handover Hong Kong // *Taiwan in Comparative Perspective*, – Vol. 5, July 2014. – Pp. 120–133.
4. *Terry L. Cooper, Terry L. Lui.* Democracy and the Administrative State: The Case of Hong Kong // *Public Administration Review*, – 1990. – Vol. 50. – №. 3. – Pp. 332–344.
5. *Xiaobing Xu, George D. Wilson.* The Hong Kong Special Administrative Region as a Model of Regional External Autonomy, 32 *Case W. Res. J. Int'l L.* 1 (2000). URL: <http://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol32/iss1/1> (Дата обращения 25.09.17).
6. *Гончаров, С.Н.* О Китае средневековом и современном: Записки разных лет. Новосибирск: Наука, 2006. – 383 с.
7. *Хуа Шаосян.* Чжунго юй Дундэ дуй Су Чжэнцэ дэ бицзяо [华少庠. 中国与东德对苏政策的比较 // *广西社会科学*] Сравнение взаимоотношений КНР и ГДР с СССР // *Гунасийские общественные науки*, 2006. – №7. – С. 130–134.